

УДК 1(091):16

О МЫСЛЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ У КАНТА И ВИТГЕНШТЕЙНА И ПРОБЛЕМЕ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫХ АРГУМЕНТОВ

С. А. Фуэнтес Гонсалес¹

Автор анализирует и развивает оценку П.М.С. Хакером философского сходства Канта и Витгенштейна, а также исследует вопрос о предполагаемом использовании Витгенштейном «трансцендентальных аргументов». Во-первых, опираясь на прочтение Альфредом Норманом «Логико-философского трактата» как мысленного эксперимента, автор рассматривает «Критику чистого разума» в равной степени как крупномасштабный мысленный эксперимент, имеющий важные общие логические черты с «Трактатом». Далее пересматривает вопрос о трансцендентальных аргументах, а именно о том, использовали ли «средний» Витгенштейн и докритический Кант какой-либо мысленный эксперимент, который можно охарактеризовать как «трансцендентальный аргумент». Автор предпринимает рациональную реконструкцию аргументов обоих мыслителей в свете современной исследовательской литературы, посвященной мысленным экспериментам, и делает акцент на почти игнорируемом сходстве между Кантом и Витгенштейном, а именно – на систематическом использовании мысленных экспериментов в их эпистемологических изысканиях. Автор приходит к выводу, что а) magna opera Витгенштейна и Канта можно рассматривать как философские мысленные эксперименты, в которых оба философа пытаются выйти за пределы языка и за пределы возможного опыта соответственно; б) оба философа разработали аргументы, которые можно назвать трансцендентальными, даже если только с ограниченной методологической точки зрения; в) некоторые ключевые аргументы, выдвинутые «средним» Витгенштейном при определении структуры визуального пространства, лучше охарактеризовать как мысленные эксперименты, чем трансцендентальные аргументы.

Ключевые слова: трансцендентальный аргумент, Кант, Витгенштейн, мысленный эксперимент, визуальное пространство, пропозиция, факт, *reductio ad absurdum*

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 19.03.2022 г. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-4

KANT AND WITTGENSTEIN ON THOUGHT EXPERIMENTS AND THE MATTER OF TRANSCENDENTAL ARGUMENTS

S. A. Fuentes González¹

It is necessary to reconsider P.M.S. Hacker's assessment of Kant and Wittgenstein's philosophical affinities and the question concerning Wittgenstein's alleged use of "transcendental arguments". First, Alfred Norman's reading of the *Tractatus Logico-Philosophicus* as a thought experiment receives revision to develop a view of the *Critique of Pure Reason* as a large-scale thought experiment that shares important logical features with the *Tractatus*. Then the question is addressed whether the middle Wittgenstein and the pre-critical Kant employed any thought experiments that could be equally characterised as "transcendental arguments". A rational reconstruction of both thinkers' arguments is carried out in the light of the contemporary literature on thought experimenting. The novelty and relevance of this approach is the emphasis laid upon a largely neglected affinity between Kant and Wittgenstein, namely the systematic use of thought experiments in their epistemological pursuits. The conclusions are: i) Wittgenstein's and Kant's magna opera can be seen as philosophical thought experiments that attempt to try out the limits of language and the limits of possible experience respectively; ii) Both philosophers developed arguments that can be designated as transcendental if only from a methodological standpoint; and iii) some key arguments put forward by the middle Wittgenstein in the determination of the structure of visual space could be characterised better as thought experiments than transcendental arguments.

Keywords: transcendental argument, Kant, Wittgenstein, thought experiment, visual space, proposition, fact, *reductio ad absurdum*.

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia. Received: 19.03.2022. doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-4

1. Введение

Вопрос о соотношении философии Канта и философии Витгенштейна волнует не только исследователей одного или другого мыслителя — он затрагивает проблему роли кантианства в современной философии. Установление точек и степени сходства между обоими философами позволило (или не позволило) бы нам, например, отнести Витгенштейна к трансцендентальному идеализму, существенно расширив это направление мысли. Один из путей определения философского сходства между двумя авторами заключается в изучении текстовых свидетельств влияния одного на другого. Такого рода исследование предпринял один из авторитетнейших специалистов по наследию Витгенштейна П.М.С. Хакер (Hacker, 2013), который, пересмотрев несколько ключевых отрывков из работ Витгенштейна, где тот ссылается на Канта, приходит к выводу, что нет никаких текстовых доказательств того, что первый находился под влиянием второго или даже вдохновлялся им². Он же обратился к другому способу выяснения вопроса о связи между обоими авторами, попытавшись определить соответствующие точки пересечения между их произведениями. Хакер перечисляет шесть проблем, общих для философии Канта и Витгенштейна: 1) их метафилософская озабоченность природой философии; 2) интерес к логике концептуальной иллюзии; 3) их попытки проследить границы смысла либо через применение понятий к возможному опыту либо через установление границ выражения мысли в языке; 4) критика эмпиризма и рационализма; 5) борьба за прояснение природы необходимости; 6) отказ от естественной теологии (Hacker, 2013,

² К такому же выводу приходит Р. Ханна, хотя и на основе биографических и текстуально-редакционных допущений. Несмотря на то что в 1918 г. Витгенштейн вместе с Людвигом Хенселем внимательно прочитали «Критику чистого разума», в рукописи «Трактата» не было существенных изменений между 1918 и 1921 гг. Но Ханна предполагает, что первый Витгенштейн испытал влияние Канта скорее лишь косвенно, через Шопенгауэра (Hanna, 2017, p. 686).

1. Introduction

The problem of the relationship between Kant and Wittgenstein's philosophies concerns not only scholars of each of these thinkers but also the inquiry into Kantianism as a whole and its role in contemporary philosophy. Establishing the points and degree of resemblance between the two philosophers would allow us, for example, to approximate (or not) Wittgenstein to transcendental idealism, significantly extending this area of thought. One possibility for enquiring into the philosophical likeness between two authors consists in examining whether there is textual evidence of the influence of one upon the other. Such is one of the paths of inquiry adopted by P.M.S. Hacker (2013) who, after revising a handful of key passages in Wittgenstein's work where direct reference is made to Kant, concludes that there is no textual evidence that the former was influenced or even inspired by the latter.² He also turned to another way of exploring the question of the relationship between the two authors, trying to identify the relevant intersection points within their works. Hacker lists six problems common to both Kant's and Wittgenstein's philosophies: 1) their meta-philosophical concern about the nature of philosophy; 2) the preoccupation with the logic of conceptual illusion; 3) their attempts at tracing the bounds of sense, either through the application of concepts to possible experience or by establishing the limits of the expression of thought in language; 4) the criticism

² The same conclusion is drawn by Hanna (2017, p. 686), although from biographical and textual-editorial premises. Even though Wittgenstein engaged in a close reading of the first *Critique* with Ludwig Hänsel in 1918, the manuscript of the *Tractatus* had no substantial changes between 1918 and 1921. Instead, Hanna suggests that the first Wittgenstein would have been influenced by Kant only indirectly through Schopenhauer.

р. 122–123). Более того, Хакер ясно показывает, что, хотя связь между Кантом и Витгенштейном обычно устанавливается путем указания на использование ими трансцендентальных аргументов³, Витгенштейн не выдвинул ни одного аргумента, который в строгом смысле можно было бы считать таковым (Ibid., p. 121). Трансцендентальный аргумент берет в качестве отправной точки бесспорную посылку — как правило, утверждение, которое оппонент-скептик должен признать, и выводит необходимое условие, без которого исходная посылка не была бы таковой. На первый взгляд, трансцендентальным утверждением «Логико-философского трактата» (1921) является положение, что простые объекты должны существовать в качестве условия для того, чтобы пропозиция⁴ имела смысл (ЛФТ⁵ 2.021, 2.0211; Витгенштейн, 2014, с. 40). Однако, как отмечает Хакер, ссылка на возможный опыт является существенным компонентом идеи Канта о трансцендентальном доказательстве, а в «Трактате» такие ссылки отсутствуют. Возможный опыт — это составной элемент, который связывает понятия, вовлеченные в трансцендентальные аргументы и не имеющие аналитической связи. Следовательно, только искажив идею Канта о трансценденталь-

³ Вместо слова «аргумент» можно было бы использовать слово «рассуждение», однако в русскоязычной литературе, посвященной проблеме «transcendental arguments», преобладает калька с английского, и я следую этой конвенции.

⁴ То, что в немецком тексте «Трактата» именуется «der Satz», в русском переводе И. С. Добронравова и Д. Г. Лахути (1958/2008) передано словом «предложение», в английских переводах Ч. К. Огдена (1922) и Д. Пирса и Б. Макгиннеса (1961) — словом *proposition*, а в современной литературе на русском языке обозначается словами «пропозиция» (выбранным мной), «высказывание» и «суждение». В цитатах из «Трактата» и других переведенных работ Витгенштейна далее сохранено использованное в них слово «предложение».

⁵ В соответствии с существующей практикой я использую следующую аббревиатуру для издания работ Витгенштейна: «Логико-философский трактат» — ЛФТ (Витгенштейн, 2014); «Философские замечания» — ФЗ (Wittgenstein, 1990); ссылки с аббревиатурой ЛФТ указывают на пронумерованное предложение «Трактата»; ссылка с аббревиатурой ФЗ и знаком § — на пронумерованные замечания.

directed towards empiricism and rationalism; 5) the struggle to clarify the nature of necessity; and 6) the rejection of natural theology (cf. Hacker, 2013, pp. 122-123). Moreover, Hacker makes clear that, although the connection between Kant and Wittgenstein is usually established *via* their employment of transcendental arguments, Wittgenstein did not put forward any argument that in a strict sense could be considered as such (*ibid.*, p. 121). A transcendental argument takes as its starting point an uncontentious premise, typically a claim that a sceptic opponent would concede, then a necessary condition is inferred without which the initial premise would not be the case. At first sight, a transcendental claim of the *Tractatus Logico-Philosophicus* (1921) is the statement that simple objects must exist as a condition for a proposition to make sense (TLP 2.021, 2.0211;³ Wittgenstein, 1961, p. 7). However, as noted by Hacker (2013, p. 128), reference to possible experience is an essential component of Kant's idea of a transcendental proof that is missing in the *Tractatus*. Possible experience is the constituent element that links the concepts involved in transcendental arguments, given the absence of an analytical connection. Consequently, only by disfiguring Kant's idea of a transcendental proof and disregarding its connection to possible experience, is it possible to affirm that there is a "transcendental argument" in the *Tractatus*. The same conclusion is drawn by Hacker after evaluating the apparent transcendental character of some arguments posed by Wittgenstein in *Philosophical Investigations* (1953), particularly regarding his remarks on following a rule.

³ In accordance with current practice, I use the following abbreviation for the edition of Wittgenstein's works: *Tractatus logico-philosophicus* — TLP (Wittgenstein, 1961); *Philosophical Remarks* — PR (Wittgenstein, 1990). References with abbreviation TLP point to numbered propositions of the *Tractatus*; references with abbreviation PR and indicated by a '§' point to a numbered remark.

ном доказательстве и проигнорировав его связь с возможным опытом, можно утверждать, что в «Трактате» есть «трансцендентальный аргумент» (Hacker, 2013, p. 128). Тот же вывод Хакер делает и в отношении «Философских исследований» (1953), особенно после оценки очевидного трансцендентального характера некоторых аргументов, выдвинутых Витгенштейном по поводу следования правилу.

В новейшем и далеко идущем прочтении философского сходства между Кантом и Витгенштейном, предложенном Р. Ханной, выделяются две основные проблемы в их философиях: «(i) как видимый или проявленный мир обязательно соответствует человеческому разуму и жизни и (ii) критика самоотчужденной философии» (Hanna, 2017, p. 683). Известным ответом Канта на первую проблему является его трансцендентальный идеализм в более сильной или более слабой версии в зависимости от логической или реальной возможности, приписываемой вещам самим по себе. Соответственно, ответом Витгенштейна на ту же проблему был бы «Трактат»; объекты «Трактата» играют роль вещей самих по себе на онтологическом и эпистемическом уровнях, и то же самое относится к атомарным фактам в отношении объектов опыта. Тогда проявленный мир — это конструкция «субъекта, использующего язык», который «не принадлежит миру, но является его пределом (ЛФТ 5.631–5.632)» (Ibid., p. 688). Вторая основная тема проектов Канта и Витгенштейна, по мнению Ханны, соответствует философскому вопросу об условиях и ограничениях человеческой рациональности в ее когнитивном и практическом измерениях, что, в свою очередь, связано с третьим сходством, указанным Хакером. Именно эта проблема интересует нас больше прочих, поскольку здесь мысленный эксперимент представлен как метод Канта и Витгенштейна — соответственно для критики чистого разума и для определения границ выражения мысли в языке. Данная статья основана на чтении Хакера и затрагивает один из основных вопросов: «Есть ли сходство между философскими методами Канта

In a more recent and far-reaching reading of the philosophical likeness between Kant and Wittgenstein, Robert Hanna (2017, p. 683) has identified two core problems in their philosophies: “(i) how the apparent or manifest world necessarily conforms to human mind and life; and (ii) the critique of self-alienated philosophy.” Kant’s well-known answer to the first problem is his transcendental idealism in its stronger or weaker versions according to the logical or real possibility ascribed to things-in-themselves. Accordingly, Wittgenstein’s answer to the same problem would be the *Tractatus*; Tractarian objects play the role of things-in-themselves in the ontological and epistemic levels, and the same applies to atomic facts with regard to objects of experience. The manifest world is then a construction of “a language-using subject” who “does not belong to the world but is a limit of the world (TLP 5.631-5.632)” (Hanna, 2017, p. 688). The second core theme in Kant and Wittgenstein’s projects, according to Hanna, corresponds to the philosophical inquiry into the conditions and limitations of human rationality in its cognitive and practical dimensions, which coincides in turn with the third affinity listed by Hacker. That is the problem this paper is more concerned with; here thought experimenting is presented as Kant and Wittgenstein’s method for the critique of pure reason and the determination of the limits of the expression of thought in language respectively. I build on Hacker’s reading when he addresses one of its major questions: “Are there affinities between Kant’s philosophical methods and Wittgenstein’s?” (Hacker, 2013, p. 120). As an answer, another equally striking and important affinity is noted between their philosophical methods; to quote Hacker, *mutatis mutandis*, “no other philosophers in the history of the subject” (*ibid.*,

и Витгенштейна?» (Hacker, 2013, p. 120). В качестве ответа на этот вопрос обнаруживается еще одно, не менее поразительное, сходство между их философскими методами. Цитируя Хакера *mutatis mutandis*, «ни один другой философ в истории этого предмета» (Ibid., p. 122) не использовал мысленные эксперименты столь систематически (не разработав при этом самостоятельно подход к этому понятию).

Что же такое мысленный эксперимент (*Gedankenexperiment*)⁶ и как он методологически применим для исследования ограничений человеческой рациональности? Чтобы ответить на эти вопросы, мы могли бы начать с упоминания нескольких парадигматических случаев, с которыми читатель может быть знаком: «китайская комната», «скрипач Томсон», «лифт Эйнштейна», «жук Витгенштейна», «демон Максвелла» — это явные примеры мысленного эксперимента. Кроме того, существуют различные попытки сформулировать (интенциональное) определение мысленного эксперимента. Рой Соренсен определяет его как «эксперимент, который стремится достичь своей цели без необходимости осуществления» (Sorensen, 1992, p. 205). В этом определении акцент сделан на осуществлении, поскольку цель Соренсена — дать общее описание мысленного эксперимента в физике. Другой причиной в пользу необязательности реального осуществления для мысленных экспериментов является метафилософская приверженность Соренсена тезису о том, что наука и философия отличаются друг от друга по степени научности, а не по виду. Подобные философские убеждения могут быть и эпистемическими, как в случае Дж. Р. Брауна, выдвигающего платонистскую концепцию, согласно которой мысленные эксперименты в физике дают нам априорное знание законов природы, воспринимаемых как платонические сущности (Brown, 1991; 2004).

⁶ Именно Х. К. Эрстед в 1811 г. ввел в обиход датский термин *Tankeexperiment*. Появление и популяризация соответствующего немецкого термина *Gedankenexperiment* произошли во многом благодаря философской и научной деятельности Эрнста Маха (см.: Witt-Hansen, 1976).

p. 122) made such a systematic use of thought experiments (without having themselves developed an account of that notion).

What is, however, a thought experiment (*Gedankenexperiment*)⁴ and how is it methodologically suitable for the inquiry into the limitations of human rationality? To address these questions, a handful of paradigmatic cases could be mentioned with which the reader may be familiar: “The Chinese room”, “Thomson’s violinist”, “Einstein’s elevator”, “Wittgenstein’s beetle”, “Maxwell’s demon”, are clear-cut examples of a thought experiment. There are, furthermore, diverse attempts to formulate an (intensional) definition of thought experiment. Roy Sorensen (1992, p. 205) defines it as “an experiment that purports to achieve its aim without the benefit of execution”. Sorensen’s definition emphasises performance, for his goal is to provide a general account of thought experiments in physics. Another reason to advocate the dispensability of real-world execution for thought experiments is Sorensen’s metaphilosophical engagement with the thesis that science and philosophy are not different in kind, but in their degree of scientificity. Such philosophical commitments can also be epistemic, as in the case of J. R. Brown (1991; 2004), who conjectures a Platonist account, according to which thought experiments in physics give us *a priori* knowledge of the laws of nature, conceived as platonic entities. Successful thought experiments, consequently, justify a conclusion, not through standard deductive or inductive inference, but by some rational intuition of sorts. For Brown, “this Hypothesis is the best explanation for the remarkable

⁴ It was H. C. Ørsted who coined the Danish term “*Tankeexperiment*” in 1811. The emergence and popularisation of the corresponding German label “*Gedankenexperiment*” took place largely thanks to the philosophical and scientific work of Ernst Mach (see Witt-Hansen, 1976).

Успешные мысленные эксперименты, следовательно, обосновывают вывод не посредством стандартного дедуктивного или индуктивного умозаключения, а с помощью своего рода рациональной интуиции. Согласно Брауну, «эта гипотеза выступает наилучшим объяснением замечательных явлений (некоторых) мысленных экспериментов» (Brown, 1991, p. 127). В противовес этому эмпирист Джон Нортон утверждает, что мысленный эксперимент — это просто «обычная аргументация, замаскированная в яркой живописной или повествовательной форме» (Norton, 2004, p. 45). Соответственно, мысленный эксперимент — это аргумент, который берет в качестве посылок фоновые эмпирические знания. Любой эксперимент (реальный или воображаемый), правда, можно перестроить как аргумент — например, как сведение к абсурду или как *modus tollens*. Можно также частично согласиться с так называемым аргументационным взглядом Нортон, не разделяя его дефляционных последствий. Согласно Бренделю, большинство мысленных экспериментов основано на интуиции, понимаемой как «ментальные пропозициональные установки, которые сопровождаются сильным чувством уверенности» (Brendel, 2004, p. 96). При проведении мысленного эксперимента интуиции работают как фоновые предположения, которые, однако, необязательно выражать в виде аргумента, чтобы мысленный эксперимент был убедительным. Кроме того, бывают случаи, когда парадоксальные результаты мысленного эксперимента обязывают экспериментатора пересмотреть свои исходные предположения или условия и ограничения своего понятийного аппарата. Эти формы рассуждений, направляемые воображаемыми ситуациями, модальностями и / или контрфактуалами, представляют философский интерес в отличие от простого воображения сценариев, которыми мы руководствуемся при оценке повседневной ситуации. Именно критическое измерение мысленных экспериментов делает их методологически пригодными для эпистемологических поисков Канта и Витгенштейна.

phenomena of (some) thought experiments” (Brown, 1991, p. 127). In contrast, John Norton’s empiricist account contends that thought experiments are just “ordinary argumentation that is disguised in a vivid pictorial or narrative form” (Brown, 2004, p. 45). A thought experiment would be, accordingly, an argument that takes background empirical knowledge as its premises. Any experiment (be it real or imaginary), it is true, is *re-constructible* as an argument; as a reduction to absurdity or a *modus tollens* for example. One could also partially agree with Norton’s so-called *argument view*, without sharing its deflationary consequences. According to Brendel (2004, p. 96), most thought experiments are based on intuitions, understood as “mental propositional attitudes which are accompanied by a strong feeling of certainty”. When a thought experiment is carried out, intuitions work as background assumptions which, however, need not be made explicit in the form of an argument for the thought experiment to be conclusive. There are cases, in addition, in which the paradoxical results of a thought experiment oblige the experimenter to revise her background assumptions or the conditions and limitations of her conceptual apparatus. These are forms of reasoning guided by imaginary situations, modalities and/or counterfactuals that are philosophically interesting, as contrasted to the mere imagination of scenarios that guides our assessment of day-to-day situations. It is precisely the critical dimension of thought experiments which makes them methodologically suitable for the epistemological pursuits of both Kant and Wittgenstein.

In what follows, section 2 explores Wittgenstein’s aspect as a thought-experimenter and revises Alfred Nordmann’s reading of the *Tractatus* as a *thought experiment*. Section 3 shows

Далее, во втором разделе, я рассматриваю профиль Витгенштейна как мыслителя-экспериментатора и анализирую прочтение Альфредом Нордманом «Трактата» как мысленного эксперимента. В третьем разделе показываю, как «Критика чистого разума» Канта также может быть интерпретирована в качестве масштабного мысленного эксперимента, имеющего общие логические черты с «Трактатом». Кроме того, вопрос о трансцендентальных аргументах я обсуждаю здесь с точки зрения «среднего» Витгенштейна, занимающегося исправлением недостатков, вытекающих из «Трактата», и дополнением этого сочинения «феноменологическим языком». Далее, в четвертом разделе данной работы я анализирую два случая рассуждений в форме мысленного эксперимента, предложенных «средним» Витгенштейном и докритическим Кантом, и показываю, что оба философа выдвигают аргументы, которые можно назвать трансцендентальными хотя бы с методологической точки зрения. Аргументы, которые следует рассматривать на фоне феноменологической интерлюдии, выдвигаются Витгенштейном в текстах конца 1920 — начала 1930-х гг., таких как «Некоторые замечания о логической форме» (1929) и «Философские замечания» (1929–1930). Что касается Канта, то первая «Критика», безусловно, является необходимым источником, когда речь идет о его мысленных экспериментах; наконец, в данной работе учитываются докритические мысленные эксперименты Канта, представленные в эссе «О первом основании различия сторон в пространстве» (1768) и диссертации «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира» (1770).

2. «Трактат» Витгенштейна как *Gedankenexperiment*

Давайте начнем с пересмотра некоторых предпринятых в исследовательской литературе попыток реконструировать *magna opera* Канта и Витгенштейна как масштабные мысленные эксперименты. Во введении к «Трактату»

how Kant's *Critique of Pure Reason* can also be interpreted as a large-scale thought experiment which shares logical features with the *Tractatus*. The matter of transcendental arguments will be assessed here from the perspective of the middle Wittgenstein, now engaged in the corrections of the shortcomings stemming from the *Tractatus*, and its supplementation with a "phenomenological language". Section 4 of this paper, consequently, analyses two cases of thought-experimental reasoning proposed by the middle Wittgenstein and the pre-critical Kant and shows that both philosophers put forward arguments that could be called "transcendental" from a methodological standpoint. The arguments to be considered against the background of Wittgenstein's phenomenological interlude are advanced in texts from the end of the 1920s and the early 1930s, such as *Some Remarks on Logical Form* (1929) and *Philosophical Remarks* (1929–1930). Concerning Kant, the first *Critique* is certainly a requisite source when it comes to addressing his thought-experimenting practices; additionally, this paper takes account of Kant's pre-critical thought experiments in the essay "Concerning the Ultimate Ground of the Differentiation of Directions in Space" (1768) and the inaugural dissertation "On the Form and Principles of the Sensible and Intelligible World" (1770).

2. The *Tractatus* as *Gedankenexperiment*

Let us start by revising some attempts in the secondary literature at reconstructing Kant and Wittgenstein's *magna opera* as large-scale thought experiments. In his introduction to Wittgenstein's *Tractatus*, Nordmann takes as a starting point the standard interpretation: there

Витгенштейна Нордман берет за отправную точку стандартное прочтение этой работы: в ней Витгенштейн пытается определить границы выражения мыслей в языке через исчерпывающую классификацию его пропозиций. Тезис Нордмана заключается в том, что саморазрушительный характер «Трактата» обретает смысл, если интерпретировать его как мысленный эксперимент: «Понять Витгенштейна — значит понять, что он провел мысленный эксперимент, в ходе которого попытка выразить философские мысли натолкнулась на границы языка и, таким образом, закончилась неудачей» (Nordmann, 2005, p. 101).

С логической точки зрения «Трактату» удастся выразить такой саморазрушительный характер через логическую структуру *reductio ad absurdum* — обстоятельство, которое Витгенштейн иллюстрирует известной метафорой лестницы: «Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью — на них — выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как взберется по ней наверх). Он должен перебраться через эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир» (ЛФТ 6.54; Витгенштейн, 2014, с. 218).

Сведение к абсурду — это схема аргументации, в которой пропозиция опровергается путем выведения из нее противоречия. Стратегия Нордмана заключается в выявлении заключения ($\neg p$), полученного методом сведения к абсурду, для того чтобы прийти к исходному допущению (p) этого умозаключения. На первый взгляд, таким выводом является пропозиция, завершающая «Трактат»: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (ЛФТ 7; Витгенштейн, 2014, с. 218). Тем не менее такое утверждение имеет смысл только при рассмотрении пропозиции 6.522: «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно *показывает* себя; это — мистическое» (Витгенштейн, 2014, с. 218). Итак, если 6.522 представляет собой вывод непрямого доказательства, то непонятно, как пропозиция

Wittgenstein tries to determine the limits of the expression of our thoughts in language through an exhaustive classification of its propositions. Nordmann's thesis is that the self-defeating character of the *Tractatus* makes sense when interpreted as a thought experiment: "To understand Wittgenstein is merely to understand that he has conducted a thought experiment in the course of which an attempt to express philosophical thoughts ran up against the limits of language and thus resulted in failure" (Nordmann, 2005, p. 101).

From a logical standpoint, the *Tractatus* expresses such self-destructive character through the logical structure of a *reductio ad absurdum*, a circumstance that is illustrated by Wittgenstein through the well-known metaphor of the ladder: "My propositions serve as elucidations in the following way: anyone who understands me eventually recognizes them as nonsensical, when he has used them — as steps — to climb up beyond them. (He must, so to speak, throw away the ladder after he has climbed up it.) He must transcend these propositions, and then he will see the world aright" (TLP 6.54; Wittgenstein, 1961, p. 89).

A reduction to absurdity is a pattern of argument in which a proposition is disproved by deriving a contradiction from it. Nordmann's strategy consists of identifying the conclusion ($\neg p$) of the *reductio* in order to arrive at its initial assumption (p). At first glance, such a conclusion is the proposition that closes the *Tractatus*: "What we cannot speak about we must pass over in silence" (TLP 7; Wittgenstein, 1961, p. 89). Nevertheless, such a statement only makes sense when proposition 6.522 is considered: "There are, indeed, things that cannot be put into words. They *make themselves manifest*. They are what is mystical" (Wittgenstein, 1961, p. 89). Now, if proposition 6.522

1 «Мир есть все то, что имеет место» (Витгенштейн, 2014, с. 1) может быть исходным предположением. Нордман полагает, что пропозиция 1 — это первый инференциальный шаг, следующий за негласной гипотезой: «Мы способны выразить любой смысл в нашем двухмерном способе записей, то есть в речи нет ничего невыразимого, и весь смысл находится в мире и в пределах языка» (Nordmann, 2005, p. 66). Такое прочтение не является посторонним для письма Витгенштейна, если рассмотреть, например, запись в его «Дневниках 1914–1916» от 26 сентября 1914 г.: «На чем базируется наша — наверняка хорошо основанная — уверенность в том, что мы в состоянии выразить любой смысл нашим двумерным способом записи?» (Витгенштейн, 2015а, с. 36). Эта запись становится еще более значимой, если учесть, что записные книжки Витгенштейна содержат наброски идей «Трактата» до его реструктуризации и доведения до опубликованного вида. По мнению Нордмана, когда читатели «Трактата» самостоятельно думают о том, что там выражено, они проводят мысленные эксперименты и получают опыт, общий с Витгенштейном, благодаря которому они его понимают. Аналогичное обстоятельство описывает К. Даймонд: «Желание понять человека, говорящего бессмыслицу, означает желание образно войти в процесс принятия этой бессмыслицы за смысл» (Diamond, 2000, p. 157). Для Даймонда это особое использование воображения, при котором бессмыслица принимается за смысл. Оба прочтения намекают на форму «опыта», которая вовлекает читателя во взаимодействие между смыслом и бессмыслицей, характерное для аргументов *reductio*. Разумеется, как не все мысленные эксперименты являются философски значимыми, так и не все они соответствуют схеме сведения к абсурду. Однако такой способ аргументации идеально подходит для опровержения законов и принципов путем выявления противоречий. В этом смысле аргумент *reductio ad absurdum* представляет собой философски значимый мысленный экспери-

is the conclusion of an indirect proof, it is not clear how *TLP* 1: “The world is all that is the case” (*ibid.*, p. 5) may be the initial assumption. Nordmann suggests that *TLP* 1 is the first inferential step posterior to a tacit hypothesis: “We are able to express any sense whatsoever in our two-dimensional script, that is, nothing is inexpressible in speech and all sense is in the world and within the limits of language” (Nordmann, 2005, p. 66). This reading is not extraneous to Wittgenstein’s letter when one considers, for example, the entry of his *Notebooks* (1914 – 1916) corresponding to 26 September 1914: “What is the ground of our — certainly well founded — confidence that we shall be able to express any sense we like in our two-dimensional script?” (Wittgenstein, 1979, p. 28). The annotation is even more significant when one takes into account that the *Notebooks* contain the germinal ideas of the *Tractatus* before its rearrangement and development as an editorial product. For Nordmann, when the *Tractatus* readers think on their own what is there expressed, they perform a thought experiment and have a common experience with Wittgenstein, by virtue of which they understand him. The same circumstance is described by Cora Diamond: “To want to understand the person who talks nonsense is to want to enter imaginatively the taking of that nonsense for sense” (Diamond, 2000, p. 157). For Diamond, it is a special use of the imagination in which nonsense is taken for meaning. Both readings allude to a form of “experience” that engages the reader in an interplay between sense and nonsense, characteristic of the arguments by *reductio*. Admittedly, just as not all thought experiments are philosophically relevant, not all of them fit the pattern of a reduction to absurdity. Such mode of argumentation, however, is ideally suited for disproving laws and princi-

мент, когда он функционирует как тест на разрушение⁷ рациональности — например, когда намеренно и систематически пытается испытать на прочность пределы языка.

3. Первая «Критика» как *Gedankenexperiment*

Давайте теперь воспользуемся *reductio ad absurdum* как возможностью обратить внимание на кантовскую сторону нашего вопроса. В 1972 г. М. Г. Калинин пересмотрел метод Канта для подтверждения трансцендентальных принципов, таких как «принцип причинности», согласно которому «все изменения происходят по закону связи причины и следствия» (В 232; Кант, 2006, с. 321). Наряду с подтверждением принципа причинности во «Второй аналогии [опыта]», парадигматическими примерами трансцендентального аргумента являются «Дедукция категорий» и «Опровержение идеализма» Канта. Как напоминает нам Калинин, поскольку трансцендентальные принципы выступают необходимыми условиями опыта, их подтверждение не может опираться на индуктивные аргументы. Точно так же ни один догматический аргумент не может быть эффективным для подтверждения таких принципов, поскольку концептуальный анализ не может производить синтетические априорные пропозиции. Затем Калинин предполагает, что попытка Канта обосновать принцип причинности во «Второй аналогии» включает трансцендентальный аргумент, который, как и «Трактат» Витгенштейна, имеет логическую структуру *reductio*:

⁷ Я заимствую эту метафору у Г. Райла: «Философские аргументы описанного типа имеют нечто общее с испытаниями на разрушение, с помощью которых инженеры выясняют прочность материалов. Конечно, инженеры растягивают, скручивают, сжимают и бьют куски металла до тех пор, пока они не разрушатся, но именно с помощью таких испытаний они определяют напряжение, которое выдержит металл» (Ryle, 2009, p. 207).

ples by unveiling contradictions. In this vein, a *reductio ad absurdum* argument constitutes a philosophically relevant thought experiment when it functions as a destruction test⁵ for rationality, e.g. when it intentionally and systematically attempts to run up against the limits of language.

3. The first Critique as *Gedankenexperiment*

Let us now take the argument by *reductio ad absurdum* mentioned above as an opportunity for looking at Kant's side of this matter. In 1972 Martin G. Kalin reconsidered Kant's method for validating transcendental principles like the "causal principle", viz. that "all alterations occur in accordance with the law of the connection of cause and effect" (KrV, A 189 / B 232; Kant, 1998, p. 304). Alongside the validation of the causal principle in the Second Analogy, other paradigmatic examples of a transcendental argument are Kant's "Deduction of the Categories" and the "Refutation of Idealism". As Kalin (1972) reminds us, since transcendental principles are necessary conditions of experience, their validation cannot rely upon inductive arguments. Likewise, no dogmatic argument could be effective for validating such principles, for conceptual analysis cannot produce synthetic *a priori* propositions. Kalin then suggests that Kant's attempt to validate the causal principle involves a transcendental argument which, like Wittgenstein's *Tractatus*, displays the logical structure of a *reductio*:

⁵ I borrow this metaphor from Gilbert Ryle (2009, p. 207): "Philosophical arguments of the type described have something in common with the destruction-tests by which engineers discover the strength of materials. Certainly engineers stretch, twist, compress, and batter bits of metal until they collapse, but it is just by such tests that they determine the strains which the metal will withstand."

Если бы -P [принцип причинности] был истинным, то какое-то феноменальное событие в объективном времени не имело бы причины. Но истинность -P также разрушила бы само различие между объективным и просто субъективным временем, оставив «только игру представлений». Поэтому истинность -P подразумевает как существование объективного времени, в котором происходит хотя бы одно беспричинное феноменальное событие, так и его отсутствие, то есть то, что оно остается неотличимым от просто субъективного времени (Kalin, 1972, p. 322).

Здесь Калин имеет в виду использование Кантом примеров с домом (B 235; Кант, 2006, с. 325) и движущейся по течению лодкой (B 237; Кант, 2006, с. 327) для противопоставления соответственно постижения многообразия созерцания, когда ряд восприятий неопределенен, и явлений, постигаемых в детерминированном последовательном порядке. Другими словами, ложность принципа причинности превращает объективное определение положения объекта, скажем, восприятие корабля, движущегося вверх по течению, за которым следует восприятие его положения ниже по течению, в игру представлений с неопределенным порядком, как в случае с домом, воспринимаемым в произвольной очередности. Трансцендентальные аргументы Канта начинаются с несомненной предпосылки — в данном случае с утверждения, что мы испытываем в опыте изменения. Затем он доказывает, что такой опыт был бы невозможен, если бы изменения явлений не происходили в соответствии с законом причины и действия. Как справедливо замечает Хакер, «ссылка на возможный опыт представляет собой необходимый ингредиент трансцендентального доказательства» (Hacker, 2013, p. 128). Необходимо также подчеркнуть, что трансцендентальные аргументы, как их использовал Кант, — это утверждения о всяком возможном человеческом опыте.

Калин делает важное добавление, что эти аргументы «также могут быть охарактеризованы не столь формально, но, возможно, более

If -P [the causal principle] were true, then some phenomenal event in objective time would lack a cause. But the truth of -P also would collapse the very distinction between objective and merely subjective time, leaving “only a play of representations”. Therefore, the truth of -P implies both that objective time exists in which at least one uncaused phenomenal event occurs, and that it does not exist, *viz.* that it remains indistinguishable from merely subjective time (Kalin, 1972, p. 322).

Here Kalin is referring to Kant’s use of the cases of the house (*KrV*, A 190 / B 235; Kant, 1998, p. 306) and the ship downstream (*KrV*, A 191 / B 237; Kant, 1998, p. 307) to contrast, respectively, the apprehension of the manifold of intuition when the series of perceptions are indeterminate and appearances apprehended with a determinate sequential order. In other words, the falsity of the causal principle would transform the objective determination of the position of an object, say the perception of a ship driven upstream followed by the perception of its position downstream, into a play of representations with indeterminate order, as in the case of a house perceived in arbitrary directions. Kant’s transcendental arguments start with an uncontroversial premise, in this case with the claim that we experience change. It then proceeds to show that such experience would be impossible if the alterations of appearances did not occur in accordance with the law of cause and effect. As Hacker rightly points out, “reference to possible experience is an essential ingredient in a transcendental proof” (2013, p. 128). And it must also be stressed, transcendental arguments as Kant used them are claims about any possible human experience.

Kalin (1972, p. 322) importantly adds that those arguments “also can be characterized, in a less formal but perhaps more enlightening fashion, as *Gedankenexperimente*”. Follow-

информативно, как *Gedankenexperimente*» (Kalin, 1972, p. 322). Следуя Калину, можно сказать, что все трансцендентальные аргументы, разработанные Кантом, являются мысленными экспериментами, причем действительно философски значимыми. Они часто работают как тест на разрушение структуры нашего опыта. Другими словами, трансцендентальный аргумент — это тип мысленных экспериментов, цель которых состоит в определении наиболее общих принципов, лежащих в основе опыта и делающих его возможным. Экспериментальность трансцендентального аргумента заключается в систематическом изменении опыта (с помощью воображаемых, модальных или контрфактических рассуждений) с целью определения необходимой неаналитической связи понятий. Под мысленным экспериментом Калин понимает метод, используемый для оценки эмпирических последствий, вытекающих из предполагаемой истинности или ложности той или иной гипотезы. Кант, однако, не направляет свои мысленные эксперименты на эмпирические обстоятельства: изменение истинного значения трансцендентального принципа в корне поменяло бы структуру опыта; ложность принципа причинности, например, стерла бы границу между иллюзией и реальностью. Калин называет такую интерпретацию трансцендентального принципа «кантовской версией» мысленного эксперимента (Ibid., p. 323).

М. Буццони идет на шаг дальше и предлагает рассматривать не только «Вторую аналогию», но и всю первую «Критику» как «эксперимент чистого разума, философский мысленный эксперимент, истинность которого гарантируется тем, что человеческий рассудок теряется в антиномиях, когда он выходит за пределы возможного опыта и пытается иметь дело с вещами самими по себе» (Buzzoni, 2018, p. 329). Этот подход согласуется с рядом кантовских описаний как реальных, так и мысленных экспериментов. С одной стороны, прочтение Буццони подразумевает, что мысленный эксперимент может как подтвердить посылку в более широком аргу-

ing Kalin, one may say that all transcendental arguments of the kind developed by Kant are thought experiments and indeed philosophically relevant ones. They often operate as a “destruction-test” for the structure of our experience. In other words, a transcendental argument is a type of thought experiments that purports to determine the most general principles that underlie experience and make it possible. The experimentality of a transcendental argument lies in its systematic variation of experience (guided by imaginary, modal, or counterfactual reasoning) in order to determine a necessary non-analytical connection of concepts. By the latter, he understands a method used for evaluating the empirical consequences derived from the assumed truth or falsity of a given hypothesis. Kant, however, does not aim his thought experiments at “empirical circumstances”, a change in the truth value of a transcendental principle would change fundamentally the structure of experience; the falsity of the causal principle, for example, would delete the limit between illusion and reality. Kalin calls this interpretation of a transcendental principle a “Kantian version” of a thought experiment (*ibid.*, p. 323).

What is more, Marco Buzzoni (2018, p. 329) goes one step further and suggests that not only the “second analogy” but “the whole book [the first *Critique*] can be seen as an experiment of pure reason, a philosophical TE [thought experiment] whose truth is guaranteed by the fact that human understanding loses itself in antinomies when it ventures beyond the limits of possible experience and attempts to deal with things in themselves”. This approach harmonises with a series of Kantian accounts of both real-world experiments and thought experiments. Buzzoni’s reading implies that a thought experiment can either validate a premise in a broader argument or constitute the full argument itself in conjunction with other thought experiments.

менте, так и представлять собой полноценный аргумент в сочетании с другими мысленными экспериментами. Относительно этой двойной логической функции мысленных экспериментов, иногда действующих как предпосылки, а иногда как полные аргументы, С. Вирвидакис утверждает, что Кант использовал как тип мысленных экспериментов с одной посылкой, так и мысленные эксперименты типа составного аргумента (Virvidakis, 2011, p. 130). Й. Фехидже и М. Т. Стюарт предлагают прочтение «Второй аналогии» как предпосылки мысленного эксперимента; возможно, случаи с домом и лодкой были теми мысленными экспериментами, на которые ссылался Калинин (см.: Fehige, Stuart, 2014, p. 201). Более того, прочтение «Критики» как масштабного мысленного эксперимента согласуется с кантовской общей концепцией эксперимента. Согласно К. Р. Вестфалю, «по “анalogии” (B XVI) с научным экспериментом Кант говорит об “эксперименте чистого разума” (B XXI Anm.) и таким образом описывает процесс своей критической философии» (Westphal, 2015, p. 591). Такой «эксперимент чистого разума», эксперимент «с концепциями и принципами», соответствует *измененному методу нашего мышления*, то есть признанию того, что «мы *a priori* познаем о вещах только то, что сами в них вложили» (B XVIII; Кант, 2006, с. 19). Утверждение Вестфалья, что «Критика чистого разума» представляет собой эксперимент чистого разума, и тезис Фехидже и Стюарта о том, что понятие эксперимента разума в раннее Новое время предвосхищает современное понятие *Gedankenexperiment*, согласуются с прочтением Буццони первой «Критики» как крупномасштабного мысленного эксперимента.

Подытожим: «Трактат» Витгенштейна и первую «Критику» Канта можно рассматривать как философские мысленные эксперименты, которые пытаются столкнуться с границами языка и границами возможного опыта соответственно. Преднамеренная ошибка первого эксперимента приводит к бессмыслице, а неудача второго — к антиномиям разума. Более

About this double logical function of thought experiments, sometimes acting as premises and sometimes as full arguments, Stelios Virvidakis (2011, p. 130) claims that Kant made use of the single-premise type as well as the compound-argument type of thought experiments. Yiftach Fehige and Michael T. Stuart (2014, p. 201) propose a full-argument thought experiment interpretation of the “Second Analogy”; arguably, the cases of the house and the boat downstream would be *the* thought experiments to which Kalin refers. Furthermore, the reading of the first *Critique* as a large-scale thought experiment coheres with Kant’s general conception of “experiment”. According to Kenneth R. Westphal (2015, p. 591), “In ‘analogy’ (B XVI) to the scientific experiment, Kant speaks of an ‘experiment of pure reason’ (B XXI) and thus describes the process of his critical philosophy.” Such an experiment of pure reason, an experiment “with concepts and principles”, corresponds to “the altered method of our way of thinking”, i.e. the recognition that “we can cognize of things *a priori* only what we ourselves have put into them” (*KrV*, B XVIII; Kant, 1998, p. 111). Westphal’s claim that “Kant’s *KrV* represents this ‘experiment of pure reason’” (Westphal, 2015, p. 592) together with Fehige and Stuart’s (2014) thesis that the notion of “*Experiment der reinen Vernunft*” is an anticipation of the modern notion of “*Gedankenexperiment*”, clearly lead to Buzzoni’s reading of the first *Critique* as a large-scale thought experiment.

Let us recapitulate: Wittgenstein’s *Tractatus* and Kant’s first *Critique* can be seen as philosophical thought experiments that attempt to run up against the limits of language and the limits of possible experience, respectively. The deliberate misstep of the former experiment results in nonsense, while the “failure” of the latter leads reason to antinomies. Moreover, both experiments attain a self-defeating character by displaying the logical structure of a *reductio*,

того, оба эксперимента приобретают саморазрушительный характер, демонстрируя логическую структуру сведения к абсурду, что возможно благодаря двойному логическому применению мысленного эксперимента, иногда как обоснования предпосылок, иногда как всеобъемлющего рассуждения. И последнее, но не менее важное: мысленный эксперимент и для Канта, и для Витгенштейна является методом критической философии, то есть оценки исходных предпосылок и границ метафизики.

До сих пор ничего не было сказано о том, выдвинул ли Витгенштейн какой-либо аргумент, который можно было бы назвать «трансцендентальным» в кантовском смысле. Тезис Хакера о том, что в лучшем случае в «Трактате» можно найти «ослабленную форму» трансцендентального аргумента, опровергнуть будет крайне сложно. Очевидно, что «Трактат» «не является попыткой обосновать возможность синтетического априорного знания» (Hacker, 2013, p. 128), а в «Философских исследованиях» нет попытки «доказать истинность любых синтетических априорных пропозиций путем ссылки на априорные условия возможности опыта» (Ibid., p. 131). Однако сравнение обоих авторов на других этапах их философского развития может быть полезным для понимания их методологического родства и причин, побудивших принять мысленный эксперимент в качестве средства для решения различных эпистемологических проблем; кроме того, такое сравнение может дать лучшее понимание исторических причин и основополагающих допущений, которые привели к тому, что концепция «трансцендентального аргумента» вошла в современную философию.

4. Докритический Кант и «средний» Витгенштейн как мысленные экспериментаторы

Еще до первой публикации «Логико-философского трактата» в 1921 г. Витгенштейн на некоторое время отошел от философской де-

which is possible thanks to the double logical use that can be made of thought experiments, sometimes as justification for premises, sometimes as all-embracing arguments. Last but not least, thought experimenting is for both Kant and Wittgenstein a method for critical philosophy, i.e. for evaluating the underlying assumptions and limits of metaphysics.

Thus far, nothing has been said about the question whether Wittgenstein put forward any argument that could be called “transcendental” in a Kantian sense. Hacker’s thesis that at best one could attribute to Wittgenstein a “watered down version” of a transcendental argument would be extremely difficult and even otiose to rebut. Clearly, the *Tractatus* is “not an attempt to vindicate the possibility of synthetic *a priori* Knowledge” (Hacker, 2013, p. 128) and there is no attempt in *Philosophical Investigations* “to prove the truth of any synthetic *a priori* propositions by reference to the *a priori* conditions of the possibility of experience” (*ibid.*, p. 131). However, comparing both authors at other stages of their philosophical development could be useful for understanding their methodological affinities and the reasons that led them to adopt thought experimenting as a means for pursuing their own epistemological concerns; likewise, it may generate a better understanding of the historical reasons and underlying assumptions that caused the concept of “transcendental argument” to make its way into contemporary philosophy.

4. The Pre-Critical Kant and the Middle Wittgenstein as Thought-Experimenters

Even before the *Tractatus* was published for the first time in 1921, Wittgenstein had already abandoned philosophical activity for a while. Upon his return to Cambridge in 1929,

тельности. После возвращения в Кембридж в 1929 г. он занялся теми аспектами, которые оказались в «Трактате» не «окончательными» или не «неприкасаемыми», особенно в свете критики со стороны Ф. Рамсея (Ramsey, 1923). Среди них наиболее важной становится непоследовательность, вытекающая из так называемой проблемы взаимного исключения цветов⁸, сформулированной в рамках анализа того, что Витгенштейн называл «высказываниями о степени» (Витгенштейн, 2015б, с. 327). Эта проблема уходит своими корнями в фундаментальную концепцию логической необходимости, поднимаемую в «Трактате». Истинность пропозиции зависит от составляющих ее элементарных пропозиций. Такие пропозиции не являются взаимоисключающими и не могут быть разложены; они представляют собой логические фигуры положений дел, а составляющие их части, в свою очередь, представляют собой имена, обозначающие простые объекты. Как «из существования или несуществования какого-либо одного атомарного факта нельзя заключать о существовании или несуществовании другого атомарного факта» (ЛФТ 2.062; Витгенштейн, 2014, с. 44), так и истинность или ложность элементарной пропозиции не может быть выведена из истинности или ложности другой элементарной пропозиции. Следовательно, ни одна пропозиция, описывающая мир, не может быть обязательно истинной или ложной. Пропозиция лишь утверждает, что нечто возможно; единственными обязательно истинными пропозициями выступают тавтологии, а единственными невозможными — противоречия. Проблема возникает, когда пытаются проанализировать такое противоречие, как соединение пропозиций «А — красное» и «А — зеленое» (Ка & За), ибо невозможно, чтобы пятно в поле зрения имело одновремен-

⁸ О недавнем пересмотре и анализе исследования концепций цвета Витгенштейном на протяжении его философского развития см: (Драгалина-Черная, 2020).

he dealt with the aspects that turned out not to be “definitive” or “untouchable” in the *Tractatus*, particularly in light of the criticisms offered by Frank Ramsey (1923). Among them the most important would be the inconsistency derived from the so-called “colour exclusion problem”,⁶ framed within the analysis of what Wittgenstein called “statements of degree” (Wittgenstein, 1993, pp. 34-35) The problem has its roots in the fundamental conception of logical necessity which Wittgenstein raises in the *Tractatus*. That a proposition is true depends on the elementary propositions that compose it. These elementary propositions are not mutually exclusive, nor can they in turn be decomposed; they are logical figures of states of affairs, and the parts that compose them are names that stand for simple objects. Just as “From the existence or non-existence of one state of affairs it is impossible to infer the existence or non-existence of another” (*TLP* 2.062; Wittgenstein, 1961, p. 9), neither the truth nor the falsity of an elementary proposition can be inferred from the truth or falsity of another elementary proposition. Consequently, no proposition that describes the world can necessarily be true or false. A proposition only affirms that something is possible; the only necessarily true proposition is the tautology, and the only impossibility is that expressed by the contradiction. The problem appears when one tries to analyse a contradiction such as the conjunction of the propositions “A is red” and “A is green” (Ra & Ga), for it is impossible that a patch in the visual field should have simultaneously two different colours (see *TLP* 6.3751; Wittgenstein, 1961, p. 85). Clearly, since elementary propositions are logically independent, they cannot exclude each other. The problem is also evident when carrying out a truth-functional

⁶ For a recent revision and analysis of Wittgenstein’s study of colour concepts throughout his philosophical development see Dragalina-Chernaya (2020).

но два разных цвета (ЛФТ 6.3751; Витгенштейн, 2014, с. 211). Ясно, что, поскольку элементарные пропозиции логически независимы, они не могут исключать друг друга. Проблема также очевидна при проведении функционального анализа истинности — учитывая, что «Ка & За» является противоречием, оценка «ложь — истина — ложь» представляет собой незаконный набор значений истинности для логической функции конъюнкции.

Результатом этой и других неудач стало то, что намеченный в «Трактате» проект установления предела выражения мысли пришлось пересмотреть и впоследствии исправить или дополнить нотацией, которая верно выражает логические отношения, существующие между высказываниями об эмпирической градации. Этот новый трактатовский подпроект получит название «первичный язык», или «феноменологический язык», и займет все время и силы Витгенштейна с января 1929 г., хотя продлится лишь до октября того же года.

М. Сильва объясняет, как крах «Трактата» связан с последствиями скрытой формы холизма, которая выражается в элементарных пропозициях относительно цветов (Silva, 2014, p. 185). Проблема проявляется в онтологической сфере, но ее решение должно находиться на методологическом уровне. Мы полагаем, что обращение Витгенштейна к мысленным экспериментам было в 1929–1930 гг. отчасти его ответом на эту проблему. Есть даже свидетельства того, что Витгенштейн сознавал это, хотя было бы неверно утверждать, что он считал себя «мысленным экспериментатором» в том историческом смысле, который может иметь это выражение. В «Некоторых замечаниях о логической форме» он поднимает тему элементарных пропозиций и демонстрирует необходимость исследования в рамках теории познания их структуры вне сферы символов и прежде всего необходимость метода для такого исследования: «Цель теории познания — обнаружить их [атомарные пропозиции] и понять, как

analysis — given that “Ra & Ga” is a contradiction, the valuation “T-F-T” presents an illicit collection of truth values for the logical function of conjunction.

The result of this and other failures is that the project, outlined in the *Tractatus*, of establishing a limit to the expression of thought in language had to be revised and subsequently corrected or supplemented with a notation that rightly expresses the logical relations that exist between statements about empirical gradation. This new Tractatusian sub-project would receive the name of “primary language” or “Phenomenological Language” and would occupy all the time and energies of Wittgenstein from January 1929, although it would only last until October of the same year.

Silva (2013, p. 185) explains how the *Tractatus* collapses due to the implications of a sneaky form of holism that is evident in the lower propositions relative to the colours. The problem manifests itself in the ontological sphere, but its solution must be on the methodological level. I believe that Wittgenstein’s appeal to thought experiments was partly his answer to that problem in 1929–1930. There is even evidence that Wittgenstein was aware of it, although it would be incorrect to claim that he saw himself as a “thought experimenter” in the historical sense which that expression might have. In *Some Remarks on Logical Form*, he picks up the topic of elementary propositions and manifests the need for research within the theory of knowledge about their structure outside the plane of symbols and, above all, the need for a method to face that investigation: “It is the task of the theory of knowledge to find them [elementary propositions] and to understand their construction out of the words or symbols. This task is very difficult, and Philosophy has hardly yet begun to tackle it at some points. What method have we for tackling it?” (Wittgenstein, 1993, p. 29). Later, in

они конструируются из слов или символов. Эта очень трудная задача, и философия до сих пор едва ли принималась за ее решение хоть в каких-то пунктах. Какой метод есть у нас для ее решения?» (Витгенштейн, 2015б, с. 322). Позже, в «Философских замечаниях», он обращается к той же теории познания, но на этот раз предлагает метод, который имеет поразительное сходство с мысленным экспериментированием:

Теория познания не только не имеет дела с истинностью или ложностью подлинных предложений, но даже является философским методом сосредоточения внимания именно на тех предложениях, содержание которых кажется нам — с физической точки зрения — наиболее невозможным для мышления (например, что кто-то чувствует зубную боль другого человека). Таким образом, теория познания подчеркивает тот факт, что ее область включает в себя все, что может быть мыслимо (ФЗ §60; Wittgenstein, 1990, p. 90).

Переход от истинностной функциональности к холизму, в терминах Сильвы, подчиняется тому, что М. Л. Энгельман описывает как необходимость исследовать специфические условия смысла и бессмыслицы в конкретных логических пространствах, а не в логическом пространстве «Трактата» (Engelmann, 2013). Здесь мы интерпретируем это как переход от одного эксперимента («Трактата») к множествам экспериментов. Особый интерес представляет то, что после упомянутого замечания из ФЗ §60 появляется целый ряд ситуаций, «содержание которых кажется невозможным»: что было бы, если бы мы чувствовали боль только в другом теле? (ФЗ, §60; Wittgenstein, 1990, p. 90); на что была бы похожа боль без обладателя? (ФЗ §65; Wittgenstein, 1990, p. 94); что если бы наше тело состояло из двух отдельных организмов? (ФЗ §66; Wittgenstein, 1990, p. 95); «Предположим, что все части моего тела можно удалить, пока не останется только один глаз, и он будет прочно зафиксирован в определенном положении, сохраняя способность видеть. Каким бы предстал передо

Philosophical Remarks, he refers to the same theory of knowledge, but this time he proposes a “method” that shares striking similarities with thought-experimenting:

Not only does epistemology pay no attention to the truth or falsity of genuine propositions, it's even a philosophical method of focusing on precisely those propositions whose content seems to us as physically impossible as can be imagined (e.g. that someone has an ache in someone else's tooth). In this way, epistemology highlights the fact that its domain includes everything that can possibly be thought (PR §60; Wittgenstein, 1990, p. 90).

The passage from truth-functionality to holism, in Silva's terms, obeys what Engelmann (2013) describes as the need to investigate the specific conditions of meaning and nonsense in particular logical spaces, and not in *the* logical space of the *Tractatus*. Here I interpret it as the passage from an experiment (the *Tractatus*) to several experiments. It has a particular interest that after the mentioned observation of PR § 60 there is a proliferation of situations “whose content seems impossible”: what would happen if we only felt pains in another body? (PR § 60; Wittgenstein, 1990, p. 90); What would a pain be like without a possessor? (PR § 65; Wittgenstein, 1990, p. 94); What if our body consisted of two separate organisms? (PR § 66; Wittgenstein, 1990, p. 95); “Suppose that all parts of my body could be removed until only one eye was left; and this were to be firmly fixed in a certain position, retaining its power of sight. How would the world appear to me?” (PR § 72; Wittgenstein, 1990, p. 100). I claim that Wittgenstein finds in thought experiments a methodological bridge to bring the verifiability principle of the *Tractatus* towards a holistic space, i.e. a way of analysing the systems of propositions that make sense (and which propositions do not) in individual but interconnected logical spaces.

мною мир?» (ФЗ §72; Wittgenstein, 1990, p. 100). Мы утверждаем, что Витгенштейн находит в мысленных экспериментах методологический мост, позволяющий вывести принцип верифицируемости «Трактата» в холистическом пространстве, то есть способ анализа систем пропозиций, которые имеют смысл (и таких пропозиций, которые не имеют смысла) в отдельных, но взаимосвязанных логических пространствах.

Итак, в 1930 г. Витгенштейн переходит от вопроса об истине к вопросу о смысле, и мысленные эксперименты теперь ориентируются на этот второй вопрос. Однако что означает это изменение в конкретных, процедурных терминах? Энгельман предполагает, что Витгенштейн использует «трансцендентальный метод», то есть выдвигает свои тезисы путем построения «трансцендентальных аргументов» (Engelmann, 2013, p. 29–31). Мы утверждаем, что такие аргументы могут быть лучше охарактеризованы как мысленные эксперименты. С этой целью один из примеров, использованных Энгельманом, будет рассмотрен ниже. Это аргумент Витгенштейна, доказывающий, что направленность является несводимым качеством визуального пространства: «Можно также сказать, что зрительное поле — это организованное пространство, пространство, в котором есть верх и низ, право и лево. И этот верх и низ, право и лево не имеют ничего общего с гравитацией или правой и левой рукой. Оно имело бы смысл, если бы мы, например, всю жизнь смотрели на звезды через телескоп» (ФЗ §206; Wittgenstein, 1990, p. 255). В этом рассуждении есть обращение к воображению, которое стремится подорвать одно из предположений, неявно действующих в наших описаниях феноменов, как они появляются в визуальном пространстве⁹. Инерция языка заставляет нас

⁹ Энгельман также называет «трансцендентальными аргументами» другие мысленные эксперименты, введенные Витгенштейном, чтобы показать, что помимо направления расстояние и числа одинаково даны в визуальном пространстве без посредничества других структур (Engelmann, 2013, p. 30–32). См. также: (Витгенштейн, 2015б, с. 325; ФЗ §208, Wittgenstein, 1990, p. 257).

In 1930, then, Wittgenstein moves from the question about the truth to the question about sense, and TEs are oriented towards this second question. However, what does this change mean in concrete, procedural terms? Engelmann (2013, p. 28) suggests that Wittgenstein uses a *transcendental* method, i.e. he constructs “transcendental arguments” (see *ibid.*, pp. 29–31). I claim that such arguments can be better characterised as thought experiments. For this purpose, one of the examples employed by Engelmann will be reconsidered in what follows. This is Wittgenstein’s argument for showing that directionality is an irreducible quality of visual space: “We can also say visual space is an oriented space, a space in which there is an above and below and a right and left. And this above and below, right and left have nothing to do with gravity or right and left hands. It would, e.g., still retain its sense even if we spent our whole lives gazing at the stars through a telescope” (PR § 206; Wittgenstein, 1990, p. 255).

In this argument, there is an appeal to the imagination that seeks to undermine one of the assumptions that operate implicitly in our descriptions of phenomena as they appear in visual space.⁷ The inertia of our language has led us to “mix” propositions about the direction of objects in visual space with other groups of propositions, whether these are about our body, in the case of ordinary language, or relative to gravity, as happens in the language of physics. As a result, groups of propositions seem so essentially connected that we are led to think that every object in visual space moves

⁷ Engelmann (2013, pp. 30–32) also refers to other thought experiments as “transcendental arguments”, introduced by Wittgenstein to show that, in addition to direction, distance and numbers are equally given in visual space without the mediation of other structures. See Wittgenstein (1993, pp. 31–32; PR §208, Wittgenstein, 1990, p. 257).

«смешивать» пропозиции о направлении объектов в визуальном пространстве с другими группами пропозиций, будь то о нашем теле в случае обычного языка или об относительной гравитации в языке физики. В результате группы пропозиций кажутся настолько существенно связанными, что заставляют нас думать, будто каждый объект в визуальном пространстве движется (или останавливается) по отношению к какой-то части нашего тела или к направлению гравитационной силы. Как предполагает Энгельман, аргумент гласит, что даже при абстрагировании от телесных ощущений можно различить направление движения объектов в зрительном поле. Когда мы видим нашу жизнь со звезд через телескоп, явления визуального пространства представлены в абстракции от тела и без влияния земного гравитационного поля. Этот ход мысли, безусловно, напоминает трансцендентальный аргумент, поскольку его цель — показать, что направленность выступает несводимым элементом, который делает возможным наше восприятие объектов в зрительном поле. В некотором смысле это относится к возможному опыту, хотя это явно не утверждение о любом возможном человеческом опыте.

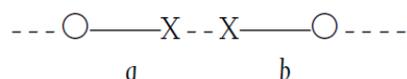
Примечательно также, что Витгенштейн упоминает различие между правой и левой рукой, когда перечисляет два условия, которые не имеют значения для определения направления в визуальном пространстве; второе условие — гравитация. Хотя здесь нет упоминания о Канте, очень вероятно, что Витгенштейн имеет в виду парадокс Канта «правая рука — левая рука» (AA 02, S. 382; Кант, 1964а, с. 378). На самом деле в пропозиции 6.36111 есть предпосылка, что Витгенштейн был знаком с ним:

Кантовская проблема правой и левой руки, которые не могут совпасть при наложении, существует уже в плоскости и даже в одномерном пространстве, где две конгруэнтные фигуры *a* и *b* также не могут совпасть при наложении, не выходя из этого пространства.

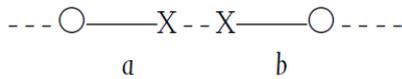
(or halts) in relation to some part of our body or to the direction of a gravitational force. As Engelmann suggests, the argument states that even in abstraction from bodily sensations it is possible to distinguish the direction of objects in the visual field. When we see our lives from the stars through a telescope, the phenomena of visual space are represented in abstraction from the body and without the influence of the terrestrial gravitational field. This train of thought certainly resembles a transcendental argument as it aims to show that directionality is an irreducible element that makes possible our experience of objects in the visual field. In a sense, then, it refers to possible experience, although it clearly is not a claim about *any* possible human experience.

It is also noteworthy that Wittgenstein mentions the right hand-left hand distinction when listing two conditions that are irrelevant for the determination of direction in visual space (the second one is gravitation). Although there is no mention of Kant, it is likely that Wittgenstein referred to Kant's right hand-left hand paradox (GUGR, AA 02, p. 382; Kant, 1992a, p. 371). In fact, there is in TLP 6.36111 textual evidence that Wittgenstein was familiar with it:

Kant's problem about the right hand and the left hand, which cannot be made to coincide, exists even in two dimensions. Indeed, it exists in one-dimensional space:

in which the two congruent figures, *a* and *b*, cannot be made to coincide unless they are moved out of this space. The right hand and the left hand are in fact completely congruent. It is quite irrelevant that they cannot be made to coincide.

Правая и левая рука фактически полностью конгруэнтны. И то, что они не могут совпасть при наложении, не имеет к этому никакого отношения. Правую перчатку можно было бы надеть на левую руку, если бы ее можно было повернуть в четырехмерном пространстве (Витгенштейн, 2014, с. 208).

Проблема правой / левой руки была первоначально предложена Кантом в эссе «О первом основании различия сторон в пространстве»: «Если же представить себе, что первым, что было создано [в мире], была человеческая рука, то это необходимо была либо правая, либо левая рука...» (AA 02, S. 382; Кант, 1964а, с. 378). В диссертации «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира» эта проблема используется, чтобы показать, что пространство должно быть познано через интуицию (AA 02, S. 403; Кант, 1964б, с. 403); в «Пролегоменах...» она используется для иллюстрации того, что пространство является формой внешней интуиции (AA 04, S. 286; Кант, 1965, с. 102). Кант начинает с того, что отмечает существование «неконгруэнтных подобий»: «Такое тело, которое во всем совершенно равно и подобно другому, хотя и не может быть заключено с ним в одни и те же границы» (AA 02, S. 382; Кант, 1964а, с. 376). В качестве примеров Кант упоминает сферические треугольники и наши руки. Предположение, что «первой сотворенной вещью была человеческая рука», развивается как контрпример, опровергающий лейбницевскую реляционную концепцию пространства, согласно которой пространство — это совокупность внешних отношений, существующих между частями материи. Поскольку руки являются «неконгруэнтными подобиями», между их частями существует отношение один-к-одному, то есть такое, что любое описание внутренней связи частей правой

A right-hand glove could be put on the left hand, if it could be turned round in four-dimensional space (*TLP* 6.36111; Wittgenstein, 1961, p. 84).

The right hand-left hand problem was originally proposed by Kant in his essay “Concerning the Ultimate Ground of the Differentiation of Directions in Space”: “Imagine that the first created thing was a human hand. That human would have to be either a right hand or a left hand” (*GUGR*, AA 02, p. 382; Kant, 1992a, p. 371). The problem is invoked in the *Inaugural Dissertation* to show that space must be known through intuition (*MSI*, AA 02, p. 403; Kant, 1992b, p. 396). In *Prolegomena* it is used for illustrating how space is a form of outer intuition (*Prol*, AA 04, p. 286; Kant, 2002, p. 81). In *Directions in Space* Kant starts by noting the existence of “*incongruent counterparts*”: “a body which is exactly equal and similar to another, but which cannot be enclosed in the same limits as the other” (*GUGR*, AA 02, p. 382; Kant, 1992a, p. 370). As examples, Kant mentions spherical triangles and our hands. The assumption that “the first created thing was a human hand” is developed as a counterexample to disprove the Leibnizian relational conception of space, according to which space is the aggregate of external relations existing among the parts of matter. Since hands are incongruent counterparts, there is a one-to-one relationship between their parts, such that any description of the intrinsic relation of the parts of a right hand would be a valid description of the left one and vice versa. In absence of any other created object, however, and assuming true the relational conception of space, such a first and only created hand would be indeterminate concerning direction. That is, the imagined hand would fit equally a right and a left wrist, which is absurd. It is clear that Wittgenstein’s thought experiment has a role analogous to Kant’s right

руки будет действительным описанием левой, и наоборот. Однако в отсутствие любого другого созданного объекта и при условии верности реляционной концепции пространства такая первая и единственная созданная рука была бы неопределенной в отношении направления. То есть воображаемая рука будет одинаково подходить как к правому, так и к левому запястью, что абсурдно. Очевидно, что мысленный эксперимент Витгенштейна играет роль, аналогичную проблеме «правая рука / левая рука» у Канта. Последний хочет показать, что направленность является существенным качеством визуального пространства, первый делает тот же вывод о пространстве в геометрии.

Чтобы получить более четкое представление о связи между аргументацией, используемой «средним» Витгенштейном и докритическим Кантом, обратимся к статье Х. Э. Бройлза о применении фантазии Витгенштейном. Согласно Бройлзу, первое использование фантазии соответствует воображению того, что он называет *ситуационными фактами*: «Когда изменяются ситуационные факты, изменяется ситуация, хотя, конечно, множество других фактов может измениться без изменения ситуации или без ее существенного изменения» (Broyles, 1974, p. 295). Аннотация этой работы содержит 185 слов; если факт меняется, ситуация меняется — например, 200 может быть максимальным количеством слов. Бройлз также называет воображение ситуативных фактов «реалистическими вымыслами»: развлекая свое воображение такого рода фактами, мы думаем о мире, в котором живем. Кроме того, существует более радикальное или причудливое воображение, которое Бройль называет «фантазией». Теперь воображение развлекается с помощью «фактов о строительных лесах»: если бы эти факты были другими, мы были бы в другом мире. Витгенштейн говорит о том, что наши описания зрительного поля были бы чувственными даже в отсутствие ощущения тяжести или

hand-left hand problem. The latter wants to show that directionality is an essential quality of visual space, the former draws the same conclusion about the space of geometry.

In order to get a clearer picture of the connection between the argument employed by the middle Wittgenstein and the pre-critical Kant, let us review Broyles' (1974) account of Wittgenstein's use of phantasy. According to Broyles, one use of phantasy corresponds to the imagining of what he calls *situational facts*: "When situational facts alter, the situation changes, though of course a great many other facts may change without altering the situation or without altering it essentially" (Broyles 1974, p. 295). The abstract of this paper contains 216 words; if the fact changes, the situation changes, e.g. 200 could be the maximum number of words allowed in my abstract. Broyles also refers to the imagination of situational facts as "realist fictions"; when entertaining our imagination with this kind of facts, we think about the world in which we live. Moreover, there is a more "radical or fanciful imagination" that Broyles calls "phantasy". Now imagination is entertained with "*scaffolding facts*": if those facts were different, we would be in a different world. Wittgenstein's point is that our descriptions of the visual field would still be sensical even in the absence of the sensation of gravity or the right hand-left hand distinction. These are highly general facts, and that is why we are not always aware of them. According to Broyles, Wittgenstein frequently appeals to fantasy as a means to make us aware of scaffolding facts. This way, by thinking about possible worlds, we are led to appreciate the world as it actually is.

The imagination of situations like the ones posed by Wittgenstein and Kant makes us aware of facts that serve as a foundation for experience in general (the Second Analogy)

различия между правой и левой руками. Это очень общие факты, и именно поэтому мы не всегда их осознаем. По словам Бройлза, Витгенштейн часто обращается к фантазии как к средству, позволяющему нам осознать факты. Таким образом, размышляя о возможных мирах, мы получаем возможность оценить мир таким, какой он есть на самом деле.

Представление ситуаций, подобных тем, которые использовали Витгенштейн и Кант, позволяет нам осознать факты, служащие основой опыта в целом («Вторая аналогия») или его части, будь то общее описание геометрического пространства (мысленный эксперимент «правая / левая рука») или более узкое описание восприятия визуального пространства (эксперименты Витгенштейна по абсолютному направлению). Таким образом, ни Витгенштейн, ни докритический Кант не использовали трансцендентальные аргументы *sensu stricto*; они не защищали положение, что существуют фундаментальные, нередуцируемые и неизменные суждения, принципы и / или категории, которые лежат в основе всего возможного человеческого опыта и определяют его. Однако с методологической точки зрения и Витгенштейн, и Кант обращаются к мысленному эксперименту для систематической проверки уровня общности исследуемых пропозиций.

5. Заключение

В поисках ответа на вопрос о философском сходстве между Кантом и Витгенштейном мы обнаружили, что оба автора прибегают к мысленным экспериментам способом, который является определяющим для их философских проектов; и «Логико-философский трактат», и «Критика чистого разума» представляют собой попытки преступить соответственно границы языка и границы возможного опыта. «Трактат» написан в сослагательном наклонении, так что бессмыслица принимается за

or part of it, be it the general description of geometrical space (the right hand-left hand thought experiment) or just the narrower perception of visual space (Wittgenstein's experiment on absolute direction). Thus, neither Wittgenstein nor the precritical-Kant used transcendental arguments *sensu stricto*, they were not committed to the assumption that there are fundamental, irreducible, and unalterable propositions, principles, and/or categories that underlie and determine all possible human experience. However, from a methodological point of view, both Wittgenstein and Kant do appeal to thought experimenting for systematically testing the level of generality of the propositions under examination.

5. Conclusion

In searching for an answer to the question of the philosophical affinity between Kant and Wittgenstein I detected that both authors resorted to thought experiments in a way that is determinant for their philosophical projects; both the *Tractatus* and the *Critique of Pure Reason* are, respectively, attempts to trespass the limits of language and possible experience. The *Tractatus* is written in a subjunctive mode so that nonsense is taken for sense and it amounts to having the experience of "catching oneself in talking nonsense". In the case of the first *Critique*, it is reason that loses itself in antinomies. The search for affinities, moreover, was extended to the less-explored philosophical project of the middle Wittgenstein. That path of inquiry led us to Engelmann's interpretation of Wittgenstein's phenomenological project as the adoption of a transcendental method characterised by the employment of transcendental arguments. We were able to discover that, as in the *Tractatus*, the arguments

смысл, и это равносильно опыту «ловли себя на бессмыслице». В случае первой «Критики» в антиномиях себя теряет разум. Поиск сходства, кроме того, был распространен на менее исследованный философский проект «среднего» Витгенштейна. Этот путь исследования привел нас к интерпретации Энгельманом феноменологического проекта Витгенштейна как принятия трансцендентального метода, характеризующегося использованием трансцендентальных аргументов. Нам удалось установить, что, как и в «Трактате», аргументы, разработанные Витгенштейном в его последующей попытке определить структуру визуального пространства, не являются трансцендентальными в духе «Второй аналогии», учитывая отсутствие ссылки на любой возможный человеческий опыт. Хакер приводит еще одно возражение против характеристики аргументов Витгенштейна как трансцендентальных: «Расширение таким образом этого кантовского термина не является очевидно плодотворным или проясняющим. Историки философии не считают полезным характеризовать метафизику Платона или Аристотеля... как включающую трансцендентальные аргументы» (Hacker, 2013, p. 127). Распространение кантовского понятия трансцендентального аргумента на «среднего» Витгенштейна было бы столь же одиозным и неверным. Тем не менее при рассмотрении в ограниченной методологической перспективе трансцендентальный характер аргументов Витгенштейна указывает на соответствующие связи с эпистемологией Канта. И Калин, и Хакер изучают вопрос о том, насколько «проясняющим» или «просвещающим» будет распространение того или иного термина на концепции того или иного конкретного автора. Тот же вопрос затрагивался и в данном исследовании, в ходе которого был обсужден ряд взаимосвязанных понятий: аргумент, трансцендентальный аргумент, сведение к абсурду и мысленный эксперимент. Пересмотр и актуализация характеристики тран-

developed by Wittgenstein in his subsequent attempt at determining the structure of visual space are not transcendental in the vein of the Second Analogy, given the absence of a reference to any possible human experience. Hacker (2013, p. 127) mentions one more objection to the characterisation of Wittgenstein's arguments as transcendental arguments: "It is not obviously fruitful or illuminating to extend this Kantian term of art thus. Historians of philosophy have not found it helpful to characterise Plato or Aristotle's metaphysics [...] as involving transcendental arguments". Extending the Kantian notion of transcendental argument to the Third Wittgenstein would be equally otiose and incorrect. Nonetheless, when considered from a restricted methodological perspective, the transcendental flavour of Wittgenstein's arguments points to relevant connections with Kant's epistemology. Both Kalin and Hacker consider the issue of how "illuminating" or "enlightening" the extension of a term to a particular author would be. The same question applies to this inquiry, in the course of which a set of intertwined notions have been discussed: argument, transcendental argument, reduction to absurdity, and thought experiment. Reconsidering and actualising Kalin's (1972) characterisation of Kant's transcendental arguments as *Gedankenexperimente* allowed us to reunite Kant and Wittgenstein around a philosophical (and scientific) method with a rich history and a broad scope of application. Taken together, i) Wittgenstein's use of "pseudo-transcendental" arguments, ii) the characterisability of transcendental arguments as thought experiments and iii) the fact that Kant's notion of experiment of pure reason is a forerunner of the modern notion of thought experiment, lead to a rationally and historically illuminating reading of the

сцендентальных аргументов Канта (1972) как *Gedankenexperimente* позволили нам воссоединить Канта и Витгенштейна вокруг философского (и научного) метода с богатой историей и широкой сферой применения. Вместе взятые, i) использование Витгенштейном «псевдотрансцендентальных» аргументов, ii) характеризующую трансцендентальных аргументов как мысленных экспериментов и iii) тот факт, что понятие эксперимента чистого разума у Канта является предшественником современного понятия мысленного эксперимента, приводят к рационально и исторически проясняющему прочтению близости между обоими философами. В данной работе признание философского родства Канта и Витгенштейна как пользователей мысленных экспериментов оказалось связанным с методологическим аспектом проблемы условий и границ человеческой рациональности. Однако оно может быть расширено и в других направлениях — например, в сторону вопроса о том, как трансцендентальные аргументы используются и понимаются в современной философии, или о том, какую роль сыграло кантианство в развитии концепции мысленного эксперимента.

Список литературы

- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2014.
- Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2015а.
- Витгенштейн Л. Некоторые замечания о логической форме // Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2015б. С. 321–329.
- Драгалина-Черная Е.Г. Цвета в логическом пространстве Людвига Витгенштейна // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 146–156.
- Кант И. О первом основании различия сторон в пространстве // Собр. соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964а. Т. 2. С. 369–378.
- Кант И. О форме и принципах чувственного воспринимаемого и умопостигаемого мира // Собр. соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964б. Т. 2. С. 381–425.

affinity between the two authors. In this paper, the recognition of Kant and Wittgenstein's philosophical affinity as thought experimenters proved to be relevant for the methodological aspect of the problem of the conditions and boundaries of human rationality. It, however, could be expanded in different directions, e.g. towards the matter of how transcendental arguments are used and understood in contemporary philosophy, or the question about the role Kantianism has played in the development of the concept of thought experiment.

References

- Brendel, E., 2004. Intuition Pumps and the Proper Use of Thought Experiments. *Dialectica*, 58(1), pp. 89-108.
- Brown, J.R., 1991. Thought Experiments: A Platonic Account. In: T. Horowitz and G. J. Massey, eds. 1991. *Thought Experiments in Science and Philosophy*. Savage, MD: Rowman & Littlefield.
- Brown, J.R., 2004. Why Thought Experiments Transcend Empiricism. In: C. Hitchcock, ed. 2004. *Contemporary Debates in Philosophy of Science*. Malden, MA: Blackwell Pub, pp. 23-43.
- Broyles, J.E., 1974. An Observation on Wittgenstein's Use of Phantasy. *Metaphilosophy*, 5(4), pp. 291-297.
- Buzzoni, M., 2018. Kantian Accounts of Thought Experiments. In: M. T. Stuart, Y. Fehige and J. R. Brown, eds. 2018. *The Routledge Companion to Thought Experiments*. London & New York: Routledge, Taylor & Francis Group, pp. 327-341.
- Diamond, C., 2000. Ethics, Imagination, and the Method of Wittgenstein's Tractatus. In: A. Crary and R. Read, eds. 2000. *The New Wittgenstein*. London & New York: Routledge, pp. 149-173.
- Dragalina-Chernaya, E.G., 2020. Colours in Ludwig Wittgenstein's Logical Space. *Voprosy Filosofii*, 6, pp. 146-156.
- Engelmann, M.L., 2013. *Wittgenstein's Philosophical Development. Phenomenology, Grammar, Method, and the Anthropological View*. London: Palgrave Macmillan.
- Fehige, Y. and Stuart, M.T., 2014. On the Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun. *Perspectives on Science*, 22(2), pp. 179-220.

Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки // Собр. соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 68–210.

Brendel E. Intuition Pumps and the Proper Use of Thought Experiments // *Dialectica*. 2004. Vol. 58, № 1. P. 89–108.

Brown J. R. Thought Experiments: A Platonic Account // *Thought Experiments in Science and Philosophy* / ed. by T. Horowitz, G. J. Massey. Savage, MD : Rowman & Littlefield, 1991. P. 119–128.

Brown J. R. Why Thought Experiments Transcend Empiricism // *Contemporary Debates in Philosophy of Science* / ed. by C. Hitchcock. Malden, MA: Blackwell Pub, 2004. P. 23–43.

Broyles J. E. An Observation on Wittgenstein's Use of Phantasy // *Metaphilosophy*. 1974. Vol. 5, № 4. P. 291–297.

Buzzoni M. Kantian Accounts of Thought Experiments // *The Routledge Companion to Thought Experiments* / ed. by M. T. Stuart, Y. Fehige, J. R. Brown. L. ; N. Y. : Routledge ; Taylor & Francis Group, 2018. P. 327–341.

Diamond C. Ethics, Imagination, and the Method of Wittgenstein's *Tractatus* // *The New Wittgenstein* // ed. by A. Crary, R. J. Read. L. ; N. Y. : Routledge, 2000. P. 149–173.

Engelmann M. L. Wittgenstein's Philosophical Development. Phenomenology, Grammar, Method, and the Anthropological View. L. : Palgrave Macmillan, 2013.

Fehige Y., Stuart M. T. On the Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun // *Perspectives on Science*. 2014. Vol. 22, № 2. P. 179–220.

Hacker P. M. S. Kant and Wittgenstein: The Matter of Transcendental Arguments // *The Textual Genesis of Wittgenstein's Philosophical Investigations* / ed. by N. Venturinha. N. Y. : Routledge, 2013. P. 120–134.

Hanna R. Wittgenstein and Kantianism // *A Companion to Wittgenstein* / ed. by H.-J. Glock, J. Hyman. Chichester : John Wiley & Sons, 2017. P. 682–698.

Kalin M. G. Kant's Transcendental Arguments as Gedankenexperimente // *Kant-Studien*. 1972. Vol. 63, № 1–4. P. 315–328.

Nordmann A. Wittgenstein's *Tractatus*: An Introduction. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press, 2005.

Norton J. Why Thought Experiments do not Transcend Empiricism // *Contemporary Debates in Philosophy of Science* / ed. by C. Hitchcock. Malden, MA : Blackwell Pub, 2004. P. 44–66.

Hacker, P.M.S., 2013. Kant and Wittgenstein: The Matter of Transcendental Arguments. In: N. Venturinha, ed. 2013. *The Textual Genesis of Wittgenstein's Philosophical Investigations*. New York: Routledge, pp. 120-134.

Hanna, R., 2017. Wittgenstein and Kantianism. In: H. J. Glock & J. Hyman, eds. 2017. *A Companion to Wittgenstein*. Chichester, UK: John Wiley & Sons, pp. 682-698.

Kalin, M.G., 1972. Kant's Transcendental Arguments as Gedankenexperimente. *Kant-Studien*, 63(3), pp. 315-328.

Kant, I., 1992a. Concerning the Ultimate Ground of the Differentiation of Directions in Space. Translated by D. Walford. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-372.

Kant, I., 1992b. On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World [Inaugural Dissertation]. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 373-416.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. Prolegomena to any Further Metaphysics that Will Be Able to Come Forward as Science, In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy After 1781*. Edited by H. E. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 53-169.

Nordmann, A., 2005. *Wittgenstein's Tractatus: An Introduction*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Norton, J., 2004. Why Thought Experiments do not Transcend Empiricism. In: C. Hitchcock, ed. 2004. *Contemporary Debates in Philosophy of Science*. Malden, MA: Blackwell Pub, pp. 44-66.

Ramsey, F.P., 1923. Critical Notice of L. Wittgenstein's *Tractatus*. *Mind*, 32(128), pp. 465-478.

Ryle, G., 2009. Philosophical Arguments. In: G. Ryle, 2009. *Collected Papers, Volume 2: Collected Essays 1929 – 1968*. London & New York: Routledge, pp. 203-221. <https://doi.org/10.4324/9780203875308>

Silva, M., 2014. Holismo e Verofuncionalidade: Sobre Um Conflito Lógico-Filosófico Essencial. *Philosophos – Revista de Filosofia*, 18(2), pp. 167-200.

Sorensen, R.A., 1992. *Thought Experiments*. New York: Oxford University Press.

Ramsey F. P. Critical Notice of L. Wittgenstein's *Tractatus* // *Mind*. 1923. Vol. 32, № 128. P. 465–478.

Ryle G. *Philosophical Arguments* // *Collected Papers*. L. ; N. Y. : Routledge, 2009. Vol. 2 : *Collected Essays 1929 – 1968*. P. 203–221.

Silva M. *Holismo e Verofuncionalidade: Sobre Um Conflito Lógico-Filosófico Essencial* // *Philosophos*. 2014. Vol. 18, № 2. P. 167–200.

Sorensen R. *Thought Experiments*. N. Y. : Oxford University Press, 1992.

Virvidakis S. On Kant's Critique of Thought Experiments in Early Modern Philosophy // *Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts* / ed. by K. Ierodiakonou, S. Roux. Leiden ; Boston : Brill, 2011. P. 127–142.

Westphal K. R. *Experiment* // *Kant-Lexikon* / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin : De Gruyter, 2015. P. 591–594.

Wittgenstein L. *Philosophical Remarks* / ed. by R. Rhees. Oxford : Blackwell, 1990.

Witt-Hansen J.H.C. Ørsted, Immanuel Kant and the Thought Experiment // *Danish Yearbook of Philosophy*. 1976. Vol. 13. P. 48–65.

Об авторе

Серхио Альберто Фуэнтес Гонсалес, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: GFuentes@stud.kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-2605>

Для цитирования:

Фуэнтес Гонсалес С. А. О мысленных экспериментах у Канта и Витгенштейна и проблеме трансцендентальных аргументов // *Кантовский сборник*. 2022. Т. 41, № 2. С. 96-121.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-2-4

© Фуэнтес Гонсалес С. А., 2022.

Virvidakis, S., 2011. On Kant's Critique of Thought Experiments in Early Modern Philosophy. In: K. Ierodiakonou and S. Roux, eds. 2011. *Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts*. Leiden & Boston: Brill, pp. 127-142.

Westphal, K.R., 2015. Experiment. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr and S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon*. Berlin: De Gruyter, pp. 591-594.

Witt-Hansen, J., 1976. H. C. Ørsted, Immanuel Kant and the Thought Experiment. *Danish Yearbook of Philosophy*, 13, pp. 48-65.

Wittgenstein, L., 1961. *Tractatus Logico-Philosophicus*. Translated by B. McGuinness and D. Pears. London: Routledge & Paul.

Wittgenstein, L., 1969. *Notebooks 1914–1916*. Second Edition. Translated by G.E.M. Anscombe. New York: Harper & Row.

Wittgenstein, L., 1990. *Philosophical Remarks*. Reprint. Translated by R. Hargraves and R. White. Oxford: Blackwell.

Wittgenstein, L., 1993. Some Remarks on Logical Form. In: J. C. Klagge and A. Nordmann, eds. 1993. *Philosophical Occasions, 1912–1951*. Indianapolis: Hackett Pub. Co., pp. 29-35.

Wittgenstein, L., 1997. *Philosophical Investigations*. Second Edition. Translated by G.E.M. Anscombe. Oxford: Blackwell Pub.

The author

Sergio Alberto Fuentes González, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: GFuentes@stud.kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-2605>

To cite this article:

Fuentes González, S.A., 2022. Kant and Wittgenstein on Thought Experiments and the Matter of Transcendental Arguments. *Kantian Journal*, 41(2), pp. 96-121.

<http://dx.doi:10.5922/0207-6918-2022-2-4>

© Fuentes González S. A., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))